

Неожиданный поворот событий, внезапные обвинения и леденящее душу давление, исходившее от Е Чжицю, заставили Ци Синя замереть.

Когда он пришел в себя, Е Чжицю уже вышел из машины.

Ворота поместья семьи Е медленно закрывались, скрывая половину его фигуры. Его фигура была прямой, его шаги были твердыми и решительными.

Злость?

Злость.

Унижение?

Унижение.

Страх и паника?

Да, страх и паника.

...

Ци Синь не мог описать свои чувства.

Но его самолюбие, столь хрупкое и оттого столь острое, было безжалостно разорвано и растоптано...

В кровь.

Больше нельзя заниматься этим делом!

Подумал он с горящими глазами.

На щеке, которую только что похлопал Е Чжицю, все еще ощущалось прохладное и мягкое прикосновение его ладони. Ци Синь дотронулся до нее, а затем в ярости сжал кулак и изо всех сил ударил по рулю. Боль пронзила костяшки пальцев, и разум, охваченный яростью, наконец, немного прояснился.

Он больше не медлил, завел машину и, не оглядываясь, покинул поместье семьи Е.

Машина выехала из жилого комплекса, где находилась семья Е, свернула на пустую дорогу. Ци Синь плотно сжал губы и вдруг снова нажал на тормоз.

В темноте визг тормозов был особенно резок.

Ведь по дороге сюда он все так хорошо продумал: отвезти Е Чжицю домой, а потом поехать к семье Цзян и извиниться перед Цзян Нанем.

Он понимал, что сегодня он действительно ранил Цзян Наня. Поэтому он был готов на все, чтобы получить его прощение.

Но сейчас он чувствовал себя брошенной собакой, скитающейся на холодном зимнем ветру, не зная, куда идти.

Машина стояла неизвестно сколько времени. Ци Синь оцепенело сидел на водительском сиденье, глядя сквозь лобовое стекло на бескрайнее небо.

— Сегодня ты будешь танцевать только со мной, ни с кем больше. — Внезапно в ушах зазвучал смеющийся голос Е Чжицю. Его глаза улыбались, он выглядел игривым и властным.

Ци Синь сжал кулаки, плотно сжав губы.

— Чтобы приручить его, может потребоваться больше времени, чем ты думаешь, — вслед за этим послышался голос Тао Жоцин. — Тебе нужно еще немного терпения.

А в конце — новые дизайны на официальном сайте VIA, продажи которых взлетели до небес.

Ци Синь закрыл глаза, глубоко вздохнул, а через мгновение развернул машину и вернулся в жилой комплекс семьи Е.

...

В эту ночь Е Чжицю спал особенно хорошо.

Он видел, как Ци Синь уехал, а потом вернулся. Это было похоже на то, как он сам когда-то отчаянно боролся за жизнь, как в ту ночь, когда Ци Синь запер его за дверью и он промерз до костей, как будто он уже тогда остался «бездомным».

— У Ци Синя хотя бы есть машина, чтобы укрыться от ветра и дождя, ему повезло, — холодно подумал Е Чжицю.

Но это не имеет значения, в конце концов, у нас впереди еще много времени.

Он спокойно лег спать, совершенно не беспокоясь о том, что Ци Синь может уехать.

Ведь если он уедет, как он будет разыгрывать жертву?

Это излюбленная тактика Ци Синя.

«Разыгрывать жертву» — это то, что Ци Синь делал на протяжении всего времени, пока манипулировал им.

У него доброе сердце, его использовали, и когда он понял, что другие просто хотят его растоптать, он уже был измучен и не мог сопротивляться.

Но теперь Е Чжицю знал, что помимо использования доброты других людей, есть еще один инструмент для манипуляции — выгода.

Спустившись утром вниз, он увидел, что Тао Жоцин и Е Чжэн уже сидят за столом. Из кофейных чашек поднимался пар, но лицо мачехи было необычайно холодным и серьезным.

— Хорошо спал? — спросила она, увидев, что Е Чжицю спустился.

— Угу, — кивнул тот, улыбнувшись тете Чжао. — В кофе, пожалуйста, побольше сахара, спасибо.

— В последнее время ты так любишь сладкое, — сказала тетя Чжао. — Береги зубы.

Е Чжицю улыбнулся ей, его глаза слегка изогнулись, обнажив ровно восемь белоснежных зубов.

— Ты, похоже, хорошо ешь, пьешь и спишь, — Тао Жоцин нахмурилась, глядя на него. — Сяо Ци провел всю ночь на улице, ожидая тебя.

— Правда? — Е Чжицю слегка удивился. — Разве он не уехал давно?

— Сам посмотри, — сказала Тао Жоцин.

Е Чжицю пожал плечами и безразлично рассмеялся, выглядя жестоким и наивным:

— Какой же он глупый! Кто выходит на улицу посреди ночи? Зачем ему ждать ночью?

Тао Жоцин осталась безмолвной от его слов.

— Он звонил тебе всю ночь, ты ни разу не ответил, разве он мог уехать?

— Телефон всю ночь звонил, — Е Чжицю говорил как ни в чем не бывало, — разве вы не выключили бы его?

Чтобы его мать не умерла от гнева на месте, Е Чжэн сказал:

— Если он тебе не нравится, пусть уходит. У ворот постоянно люди ходят, будут смеяться.

— Не то чтобы он мне не нравился, — Е Чжицю поставил кофе и стал выглядеть серьезнее.

— Знаешь, брат, — сказал он, — вчера я по доброте душевной познакомил его с некоторыми людьми из нашего круга, а он потом начал мне дерзить.

Е Чжицю недоверчиво моргнул, как избалованный ребенок:

— Я, второй молодой господин семьи Е, почему я должен стараться ради других и смотреть на их лица? Я что, дурак?

Е Чжэн знал характер Е Чжицю. Если это действительно так, то тот Ци Синь за воротами не зря простоял всю ночь.

— И чего ты от него хочешь? — спросил он.

Е Чжицю съел ложку нежного парового омлета с креветками:

— Конечно же, пусть он сначала подумает над своим поведением, а потом посмотрим.

Тао Жоцин с утра поговорила с Ци Синем и узнала, как все было на самом деле. Услышав слова сына, она невольно вздохнула.

— Ты, — сказала она, — не боишься, что Сяо Ци убежит?

— Убежит, так убежит, — Е Чжицю сразу же капризно надулся. — Двunoгих собак нелегко найти, а двunoгих мужчин полно, мне что, он нужен?

Тао Жоцин□.....

— Эх ты, — она беспомощно встала. — Я попрошу парня сначала пойти отдохнуть.

— Честное слово, — она посмотрела на надутые щеки Е Чжицю, ее взгляд был полон любви и снисходительности, — каждый раз мама разгребает за тобой твои проблемы.

В этот момент Ци Синь все еще стоял у ворот семьи Е и ждал.

Всю ночь он пытался справиться с собой, и хотя дрожал от холода, но уже не так сильно ненавидел Е Чжицю.

Конечно, это не помешало ему за ночь отправить Цзян Наню около сотни сообщений.

Он унижался и умолял, и, когда небо начало светлеть, Цзян Нань наконец ответил.

Это можно сказать было единственным утешением, которое Ци Синь получил в эту ужасную зимнюю ночь.

Ворота снова открылись, Ци Синь взволнованно поднял голову, но, увидев Тао Жоцин, свет в его глазах снова погас.

— Ты действительно в него влюблен? — Видя это, Тао Жоцин небрежно поддела его.

Ци Синь ничего не сказал, молча протянул Тао Жоцин термос:

— Спасибо за утренний имбирный чай.

Тао Жоцин оглянулась и вышла с Ци Синем на улицу.

— У него такой характер, — сказала она с улыбкой. — Теперь ты понимаешь, почему я говорила, что тебе нужно больше терпения?

— Вы говорили о терпении, а не о смирении, — сказал Ци Синь.

— А какая разница? — Тао Жоцин засмеялась. — Ты думаешь, такие большие инвестиции нужны только для того, чтобы ты мог флиртовать? Если бы это было так...

Она сделала паузу.

— С его внешностью, даже если бы он сам платил, было бы много желающих.

Ци Синь онемел.

Видя, что ее слова возымели действие, Тао Жоцин смягчила тон.

— Возвращайся скорее, не более по-настоящему, иначе мы с твоим отцом не сможем объясниться. — Она улыбнулась. — Он просто избалованный, не терпит, когда ему перечат. Делай то, что должен делать, и он скоро передумает.

— Правда? — Ци Синь не очень поверил.

— Он очень нуждается в любви, — Тао Жоцин засмеялась и понизила голос. — Если сможешь заставить его влюбиться, то в будущем будешь вертеть им, как захочешь.

Ци Синь сжал окоченевшие от холода пальцы и тихонько вздохнул с облегчением, но в то же время почувствовал, что где-то в глубине души ему немного не по себе.

Он в последний раз взглянул на двор семьи Е и сел в машину.

...

Съемочная площадка находилась в пригороде Пекина, менее чем в двух часах езды от семьи Е.

По дороге Тао Жоцин остановилась, чтобы купить еды и других необходимых вещей, заказала молочный чай для съемочной группы, и в результате они приехали только к полудню.

Когда они приехали, Е Чжися как раз закончил сниматься.

Он, должно быть, снимался в сцене под дождем, так как его волосы были мокрыми, и он наклонил голову, чтобы дядя Ван вытер их.

— Этот Сяо Ян, куда он дел фен? — Е Чжися, дрожа от холода, кричал на дядю Вана. — Если не может работать, пусть катится отсюда.

— Знаю, знаю, вы сначала не двигайтесь. — Дядя Ван наклонился, в его глазах читались боль и снисхождение.

Увидев это, Тао Жоцин и Е Чжэн поспешили подойти.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Тао Жоцин.

— Госпожа. — Дядя Ван выпрямился и протянул Тао Жоцин полотенце. — Сцену с мокрыми волосами должны были снимать днем, но режиссер, увидев, что сегодня хорошая погода, перенес ее на утро.

И добавил:

— Сяо Ян уже пошел за феном.

Тао Жоцин наклонилась, заняв место дяди Вана, в ее глазах читалась нескрываемая боль и забота, почти такие же, как у дяди Вана.

— Подождешь в машине? — предложила она.

— Ой, — Е Чжися поднял глаза в знак протеста. — Только что дядя Ван тоже так говорил, но в машине оказалось не так комфортно, как греться на солнышке.

Он поднял глаза и увидел Е Чжицю.

Юноша стоял на солнце и улыбался ему, но почему-то, встретившись с его взглядом, Е Чжися почувствовал себя еще холоднее.

— Почему ты пришел?

Он всегда не любил, когда Е Чжицю приходил к нему на съемки.

Тот был слишком ярким, всегда затмевал его, не говоря уже о том, что в индустрии развлечений, где внешность особенно важна, это было еще заметнее.

Каждый раз, когда он приходил, Е Чжися чувствовал, что его присутствие уменьшается или вовсе исчезает.

Не говоря уже о том, что в этой группе был его кумир Гао Вэнье.

Е Чжися раздражался при виде Е Чжицю.

Е Чжицю улыбнулся.

Почему-то ему вдруг вспомнилось, как в тот день, когда Е Чжися приехал на съемки, дядя Ван встал рано утром, чтобы купить ему свежую черешню на рынке.

Черешня была действительно большой и свежей, даже с третьего этажа, где он стоял, можно было представить, насколько она сладкая.

Е Чжицю улыбнулся:

— Соскучился по тебе.

<http://bllate.org/book/14243/1258018>